

ПУБЛИКАЦИИ PUBLICATIONS

М. Л. ПРЕСМАН

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

М. ПРЕСМАН-ПУБЛИЦИСТ

Матвей Леонтьевич Пресман (1870–1941) принадлежал к числу крупнейших музыкантов первой половины XX столетия, посвятивших свою жизнь развитию отечественной культуры и образования. Близкий друг С. В. Рахманинова, одарённый пианист, активно концертировавший соло и в составе ансамблей, превосходный педагог, просветитель, редактор фортепианных сочинений различных композиторов, музыкально-общественный деятель, Пресман был ещё и талантливым публицистом, постигавшим мир и эпоху силой своей мысли, рассказывающим о них современникам и преследующим при этом просветительские и дидактические («поучительные») цели. Личность многогранная и неординарная, признанная и высоко ценящая крупнейшими русскими музыкантами (С. В. Рахманиновым, В. И. Сафоновым, А. К. Глазуновым, А. С. Аренским), Матвей Леонтьевич общался с М. М. Ипполитовым-Ивановым, Р. М. Глиэром, А. И. Зилоти, Г. Г. Нейгаузом, Л. В. Николаевым, З. П. Палиашвили, Ф. И. Шаляпиным...

Пресман сыграл исключительную роль в становлении профессионального музыкального образования в Ростове-на-Дону, воспитании профессиональных музыкантов, широкой пропаганде русской и зарубежной музыки среди ростовчан в конце XIX – начале XX веков. Обладая большим общественным темпераментом, он в 1896 году принял самое активное участие в создании Ростовского отделения Императорского Русского музыкального общества (далее – ИРМО), одновременно возглавив учреждённые ранее музыкальные классы Ростовского (самодеятельного) музыкального общества. Начатая Пресманом активная реорганизация музыкальных классов четыре года спустя завершилась юридическим утверждением нового, профессионального образователь-

ного их статуса в качестве музыкального училища Ростовского отделения ИРМО. Училище это, возглавляемое Пресманом вплоть до 1913 года, считалось одним из лучших в стране, что признавали многие музыкальные авторитеты.

Энергичная натура Пресмана всегда требовала активной и разносторонней деятельности. А потому представляется вполне естественным, что его многообразные музыкальные таланты мирно уживались с несомненным литературным даром, выражаемым в публицистике.

О литературном наследии Матвея Леонтьевича известно мало. Оно, как, впрочем, и вся художественная и общественная деятельность музыканта, – пространство фактически не освоенное, его изучение сегодня представляется актуальной задачей. При этом возникают неизбежные трудности, поскольку материалы о Пресмане в полном объёме не разысканы, список его публицистических работ пока не составлен, неизвестно даже точное их количество.

К настоящему времени мы располагаем сведениями о восьми текстах Пресмана подобного рода. Из них два были опубликованы массовым тиражом, приобретя широкую известность, – это «Уголок музыкальной Москвы восьмидесятых годов» [13] и воспоминания об А. Н. Скрябине [11].

Ещё два текста – «Заботы о музыкальном просвещении» (1914) и «К 100-летию со дня рождения А. Г. Рубинштейна» (статья без даты, предположительно 1929 г.) – хранятся в Архиве Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М. И. Глинки (ф. 11, ед. хр. 297).

Из четырёх газетных публикаций Пресмана, обнаруженных нами к настоящему времени, вниманию читателя предлагаются две, напечатанные на страницах «Русской музыкальной газеты» в 1916 году, – «О необходимых реформах в Уставе Императорского Русского музыкального общества» (№ 4) и «Рубинштейновский и сафоновский периоды в Московской

консерватории» (№ 36–37)¹. Статьи написаны после возвращения музыканта в Ростов-на-Дону из Саратова, где он с 1912 года преподавал в только что открывшейся Саратовской консерватории. Вернувшись в Ростов-на-Дону, Матвей Леонтьевич приступает к организации собственных музыкальных курсов, позднее преобразованных в Донскую консерваторию. Имя Пресмана упоминается в списке сотрудников «Русской музыкальной газеты» за 1916 год (в аналогичном перечне следующего года уже отсутствует).

Прежде чем говорить о Пресмане-публицисте, необходимо для начала разобраться в том, что такое публицистика.

Слово «публицистика» пришло из латинского языка, в котором *publicus* означает «общественный, государственный». Публицистикой называют общественно-политическую литературу на современные, актуальные темы, следовательно, публицист – автор произведений на общественно-политические темы. Публицистику принято именовать высшим родом журналистики, а публицисту приписываются такие качества, как смелость, самостоятельность, нестандартность мышления [1, ст. 72–75; 6, с. 584; 7, с. 385].

Безусловно, публицистика имеет много общего с журналистикой, так же как и с художественной литературой или наукой, «что-то заимствует у них и что-то отдаёт» [10, с. 60], будучи наделённой при этом некими своеобразными отличительными чертами. Иногда к публицистике относят любые статьи, созданные для периодической печати. Но такое понимание представляется чрезмерно широким. Журналист зачастую преподносит какую-либо информацию без личной оценки произошедшего события. Публицист же не только доносит до нас определённую информацию, но и пытается её проанализировать. Текст публициста имеет яркую эмоциональную окраску (нередко доходящую до пафоса), он делится своими переживаниями, своим пониманием происходящего. Его главная задача – *воздействие* на читателя или слушателя, *убеждение* аудитории в правоте пишущего, *внушение* определённых идей, взглядов.

Подобно научным текстам, публицистические выступления отличаются достоверностью, точностью изложения фактов, конкретностью, строгой обоснованностью. Высказывание часто строится как научное рассуждение: выдвигается важная общественная проблема, анализируются и оцениваются возможные пути её решения, делаются обобщения и выводы, материал располагается в строгой логической

последовательности, может использоваться общенаучная терминология. Но, помимо логичности, для публицистической речи характерны, прежде всего, *страстность, призывность, образность и эмоциональность*. Важнейшее требование – общедоступность: публицистика рассчитана на широкую аудиторию и должна быть понята ею.

С художественной литературой публицистику сближают *средства*, которые используются, чтобы эффективно воздействовать на читателя или слушателя, на его воображение и чувства. Публицист использует соответствующую литературную стилистику (эпитеты, сравнения, метафоры), прибегает к помощи разговорных и даже просторечных слов и оборотов, фразеологических выражений, усиливающих эмоциональное воздействие речи. Однако если в художественной литературе такие средства используются для создания образов, то в публицистике подобный арсенал нужен для названного воздействия на слушателя или читателя, создания и формирования общественного мнения, привлечения аудитории на свою сторону.

Таким образом, *цель публицистики* – воздействовать на общество, привлечь внимание людей к определённой проблеме, добиться от них реакции, завоевать единомышленников.

Немаловажен вопрос о жанровых предпочтениях Пресмана-публициста. Следует отметить, что жанровый диапазон публицистики огромен и ничуть не уступает художественной литературе. Наиболее распространёнными из соответствующих жанров являются статья в газете, журнале, заметка, очерк, репортаж, интервью, фельетон, ораторская речь, судебная речь, выступление по радио, телевидению, на собрании, доклад, призыв, обращение, воззвание, прокламация, политическое письмо, лозунг, аналитическая статья. Совершенно очевидно, что Пресман тяготеет к жанрам аналитической статьи, публицистического очерка.

Публицистический стиль Пресмана нельзя назвать экспрессивным, но этот стиль достаточно эмоционален, в меру индивидуализирован, не отличается строгостью и вполне доступен для понимания. В статьях Пресмана встречаются яркие эпитеты и экспрессивные выражения: «исполнение пьесы... должно являться “сладким отдыхом на снопах тяжёлых”, а не голгофой ненужных страданий в бесплодных потугах обогнать самого себя», «божественный дар таланта, эта святая искра вдохновенной интуиции», «зарез музыкального гения». Нередки и разговорные конструкции, вопросы и восклицания:

«все с этими порядками свыклись, сжились с ними, всем было хорошо, спокойно – зачем же желать чего-либо нового!», «пользуется ли Главная Дирекция этим громадным козырем, который мог бы действительно заполнить все пробелы, благодаря которому Главная Дирекция могла детально знакомиться с деятельностью отделений не только по мёртвым отчетам? Безусловно, нет!». Встречаются интересные сравнения: «мне представляется это так же нелепым, как если бы от ребёнка, едва умеющего передвигать ножками, требовали, чтобы он выделял какие-либо па, или как если бы ученика, не умеющего как следует читать, заставляли с известной выразительностью декламировать стихи». Иными словами, в публицистических работах Пресмана видны яркая творческая индивидуальность, музыкальная чуткость и богатство ассоциаций, образность литературного изложения.

О чём же пишет Пресман-публицист?

Названия тех немногочисленных работ, которые упоминались нами ранее, свидетельствуют, что Матвея Леонтьевича волновали разнообразные темы. Но публикуемые ниже две статьи, можно сказать, объединены общей проблематикой. В этих статьях Пресман обращается к вопросам организации музыкального дела – речь идёт об учебных заведениях и музыкальных учреждениях, о системе музыкального образования в целом, их устройстве и принципах руководства.

Указанные вопросы не случайно привлекали внимание Матвея Леонтьевича, проработавшего к тому времени более двадцати пяти лет в учебных заведениях и административных структурах ИРМО, человека с богатым опытом, знавшего все освещаемые проблемы изнутри, не понаслышке.

В статье «О необходимых реформах в Уставе Императорского Русского музыкального общества» Пресман характеризует препятствия, которые тормозят дело развития музыкального просвещения, и выступает за то, чтобы «местные Дирекции ведали исключительно материальной стороной концертов и музыкально-учебных заведений, находящихся в их ведении», чтобы «выборы Директоров отделений производились членами Общества по собственному желанию, а не по предложению местных Дирекций» и «чтобы был назначен постоянный уполномоченный – ревизор, в обязанность которого входил бы ежегодный контроль всех отделений ИРМО». По мнению автора, в уставе названного общества эти вопросы не решены удовлетворительным образом.

Публикация «Рубинштейновский и сафоновский периоды в Московской консерватории», приуроченная к 50-летию последней, является своего рода статьёй-воспоминанием.

Многие наблюдения, мысли и даже факты, содержащиеся в этих статьях, были использованы в мемуарном очерке Пресмана «Уголок музыкальной Москвы восьмидесятых годов», написанном в 1938 году. Например, вопрос о полномочиях местных дирекций, обсуждаемый в статье «О необходимых реформах в Уставе Императорского Русского музыкального общества», напрямую связан с драматической страницей из жизни Матвея Леонтьевича. К этим событиям мемуарист обращается, как бы мимоходом, воссоздавая портрет С. В. Рахманинова, и пишет о своей личной драме следующее: «У меня произошёл крупный конфликт с местной дирекцией, состоявшей из так называемых “меценатов”, богачей, которые должны были, по строгому смыслу устава Русского музыкального общества и по мысли составителя устава А. Г. Рубинштейна, оказывать музыкально-учебным заведениям этого Общества, то есть музыкальным классам, музыкальным училищам и консерваториям, материальную поддержку. Вот с этими-то толстосумами, пытавшимися вмешиваться в руководимое мною дело, требовавшими непроизводительных, ненужных и вредных для дела затрат, но ничем материально училищу не помогавшими, у меня произошла ссора. Главное, что кровно обидело и задело за живое нашу дирекцию, было – как мог я, директор музыкального училища, получающий “у них” жалованье, значит, по их понятиям, “подчинённый им”, “их служащий”, позволить себе сказать им же, что не признаю за ними права вмешиваться в дело, которому они материально не помогают и тем самым не выполняют своей главной функции» [13, с. 171]. Описываемые события и период создания «Уголка» были разделены четвертью века, но Пресмана все ещё волновала эта тема; по сути, он возвращался к упомянутой драматической странице собственной жизни до конца дней. Таким образом, наряду с типично мемуарными мотивами, в данном очерке запечатлелись оценки, воззрения Пресмана на стиль руководства музыкальными учреждениями, его педагогические взгляды.

Публикация статей Пресмана в наши дни вполне целесообразна, так как эти работы впоследствии не переиздавались, а источников по творчеству и деятельности музыканта очень мало. Орфография и пунктуация оригинала, за отдельными исключениями, приведены в соответствие с современными нормами правописания.

О НЕОБХОДИМЫХ РЕФОРМАХ В УСТАВЕ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Более полувека тому назад славной памяти великий А. Г. Рубинштейн, создавая ныне существующее Императорское Русское музыкальное общество, в основу его положил устав, имеющий целью насаждение и развитие музыкального образования в нашем отечестве.

Прошли десятки лет, и музыкальное просвещение, под знаменем ИРМО, подвинулось быстрыми шагами по пути прогресса; но рядом с этим жизнь и опыт показали в уставе общества недочёты и анахронизмы, которые, вопреки хорошему, доброму желанию основателя общества, несомненно, тормозят дело развития музыкального просвещения, а потому они должны быть устранены, и самый устав, по зрелом обсуждении соображений и фактических данных, выдвинутых самой жизнью, должен быть целесообразно реформирован².

Если мы, с одной стороны, приглядимся к существующим фактам, а с другой, – вникнем в дух устава, то найдём, что существование при всех отделениях ИРМО дирекций, являющихся главными руководителями дела, а следовательно, и существующих при отделениях музыкально-учебных заведений, – понималось покойным Антоном Григорьевичем несколько иначе, чем это понимается теперь. Тот факт, что по уставу ИРМО как от членов Музыкального общества, так и от членов дирекций, избираемых из тех же членов, никакого образовательного ценза не требуется (требуется только определённый денежный взнос, да и то установленный местными же дирекциями), указывает, что на этих лиц А. Г. Рубинштейн смотрел как на меценатов, могущих оказать материальную поддержку отделениям; о том, что избираемая дирекция ведает материальной стороной дела, свидетельствует § 13 Устава музыкальных училищ³, в котором сказано: «Местная дирекция ИРМО, имеющая в своем ведении Музыкальное училище, заботится о его *благосостоянии и преимущественно об умножении денежных его средств*». Нельзя ни в коем случае предположить, чтобы Антон Григорьевич допустил, что люди, не имеющие не только музыкального, но и иногда даже вообще какого-либо образовательного ценза, могли бы вторгаться в административную и музыкально-художественную сторону дела.

А жизнь, между тем, показывает нам следующее.

Прослужив в ИРМО двадцать два года, я имел возможность лично убедиться в том, как много

явно ненормальных явлений, тормозящих дело, происходит только от того, что ни художественные советы с директорами музыкально-учебных заведений, ни дирекции не знают, вернее, не хотят знать, своих функций. На разногласия эти наталкивают обе стороны, раньше всего устав.

Вот, например, такой факт. По § 11 Устава консерваторий: «Ближайшее *заведывание* каждой Консерваторией *принадлежит местной дирекции ИРМО*», а по § 19 того же Устава: «*Директору принадлежит ближайшее управление Консерваторией*».

Разница в понимании: «ближайшее заведывание» и «ближайшее управление» – породила такой случай.

Дирекция, ссылаясь именно на § 11 Устава, минуя директора, потребовала от гг. профессоров консерватории «объяснений» по поводу пропущенных последними уроков; а уж не этот ли «проступок» гг. профессоров мог быть рассмотрен, без вмешательства дирекции, – директором Консерватории? Я указываю на яркий конкретный факт; но мне известны и многие другие случаи вмешательства дирекций в чисто художественную сторону дела, на основании того же, различно толкуемого, § 11 Устава.

В одной из консерваторий произошёл крупный конфликт у директора консерватории с громадным большинством художественного совета из-за следующего, различно понимаемого, § Устава. По § 27, п. 6 Устава консерваторий на художественный совет возлагается обязанность: «Решать вопросы о переводе сверхкомплектных, за успехи в учении, равно и о переводе учеников из комплектных в сверхкомплектные за нерадение и об исключении учащихся вообще из Консерватории»⁴.

Так как в параграфе говорится только о комплектных и сверхкомплектных учащихся, то директор консерватории счёл себя вправе, без ведома и согласия художественного совета, перевести бесплатных учеников в платные.

Я указывал выше на взгляд покойного основателя ИРМО на членов дирекции как на меценатов, могущих оказывать местным отделениям денежную поддержку. Категорически утверждаю, что за малыми, счастливыми исключениями, гг. члены дирекций, вполне удовлетворяясь почетным званием директора отделения, не только денег не дают, но зачастую и к делу совершенно индифферентно относятся; удалить же такого нерадивого и бесполезного директора из состава дирекции, на основании того же Устава, почти невозможно, ибо Устав не даёт права членам общества выбирать в дирекцию лиц по своему усмотрению. § 48 Устава ИРМО гласит: «На место каждого из выбывающих

директоров *местною дирекцією предлагается* не менее двух лиц из членов местного отделения»; само собой разумеется, что одним из предлагаемых дирекцією лиц будет выбывающий директор, а другим – несомненно, угодное той же дирекции лицо. Таким образом, обновление дирекции может произойти только исключительно при добром желании самой дирекции избавиться от кого-либо из директоров; в противном случае, как бы вам, как члену общества, ни хотелось удалить бесполезного директора, – сделать этого вы не сможете.

Невольно возникает вопрос: какую же власть имеет Общество и чем оно может реагировать на действия и ведение дела дирекциями, если члены Общества не вправе избирать в дирекцию пользующихся их доверием лиц?

Я помню случай, когда один из членов дирекции в течение нескольких лет ни разу не посетил заседания дирекции и, тем не менее, был снова избираем; по своему общественному положению этот член дирекции был полезен другим членам – для их личных дел, а то, что он для Отделения был бесполезен, их мало трогало. Интересно отношение Главной дирекции ИРМО к подведомственным им отделениям.

Согласно ст. 24 Устава ИРМО, *направление деятельности* Общества и *высшее наблюдение* над действиями всех его отделений принадлежит Главной дирекции Общества.

Согласно ст. 33 – Главная дирекция заботится о поддержании в действиях отделений *единства видов и направления*, необходимого для успешного достижения предназначенной Обществу цели, и о развитии в России всех отраслей музыкального искусства.

Согласно ст. 35 – Главная дирекция имеет право назначать *уполномоченных лиц* для ближайшего ознакомления с действиями местных отделений и обзора подведомственных им учреждений.

Каким образом Главная дирекция пользуется ст. 24 Устава ИРМО? В чём выражается *направление деятельности* Общества и *высшее наблюдение* за действиями его отделений? Да ровно ни в чём, ибо за двадцать два года моей службы в ИРМО я ничего об этом не слышал, и всё направление и наблюдение Главной дирекции сводилось к просмотру, да и то денежной стороны, посылаемых местными отделениями отчётов; но если допустить, что Главная дирекция в этих отчётах интересовалась и другими отделами, т. е. составом преподающих, количеством учащихся и программами устраиваемых отделениями концертов, то неужели, на основании этих мёртвых букв и цифр, Главная дирекция могла суждение иметь

о художественном уровне подведомственных ей отделений?

А как пользуется Главная дирекция ст. 33-й? Действительно ли она заботится о поддержании в действиях отделений *«единства видов и направлений»* для развития в России всех отраслей музыкального искусства?

Чтобы убедиться в том, что и этого нет, достаточно взглянуть на программы музыкально-учебных заведений ИРМО. Попробуйте, например, по окончании первой гармонии в Петроградской консерватории перейти на вторую – в Московскую или Саратовскую! – конечно, вы экзамена не выдержите, ибо план и программа у них различны. Учащиеся со средним музыкальным и техническим дарованием, не имеющие возможности окончить полного курса виртуозного отделения по классу фортепиано, могут в *Москве* окончить так называемый педагогический отдел и, наравне с оканчивающими виртуозное отделение, получить диплом на звание свободного художника, в других же консерваториях этого отдела нет; другие консерватории, вероятно, рассчитывают исключительно на виртуозов, и их программы по плечу только учащимся с большим дарованием. Но это, по-моему, неправильно: если программа этих консерваторий рассчитана на крупные дарования, то и учащихся следует туда принимать только таковых, а так ли это на самом деле? (Последний вопрос требует, конечно, особого рассмотрения, и я коснулся его только попутно.) Где же это «единство видов и направления»?

Есть в руках Главной дирекции громадный козырь: статья 35, на основании которой Главная дирекция имеет право назначать уполномоченных лиц для ближайшего ознакомления с действиями местных отделений Общества и обзора подведомственных им учреждений. Пользуется ли Главная дирекция этим громадным козырем, который мог бы действительно заполнить все пробелы, благодаря которому Главная дирекция могла детально знакомиться с деятельностью отделений не только по мертвым отчётам? Безусловно, нет! На моей памяти я видел двух уполномоченных: в 1911 году в Ростов-на-Дону приезжал С. В. Рахманинов, когда, на шестнадцатом году моей службы в качестве директора музыкального училища, у меня произошёл конфликт с местной дирекцией⁵, а в прошлом учебном году в Саратов приехал В. И. Тимирязев – когда в Саратовской консерватории произошел крупный инцидент между директором И. И. Сливинским и профессором Г. Э. Конюсом⁶. Читал я, что уполномоченный Г. Д. был послан в Таганрог, когда там произошёл прискорбный инцидент, повлёкший за собою самоубийство

директора классов⁷; слышал я ещё о единичных командировках в отделения уполномоченных, – но всегда эти командировки вызваны были каким-либо инцидентом в данном отделении.

Такие командировки уполномоченных, на мой взгляд, далеко не исчерпывают ст. 35 Устава ИРМО. Главная дирекция, например, получает от правительства субсидию и распределяет её между отделениями, а чем она, при распределении субсидий, руководствуется? Да, вероятно, теми же мёртвыми отчётами и ходатайствами местных дирекций.

Одно время казалось, что этот крупный, на мой взгляд, пробел был восполнен: когда С. В. Рахманинов был назначен помощником по музыкальной части августейшего Председателя ИРМО Принцессы Е. Г. Саксен-Альтенбургской; такое назначение можно было горячо приветствовать, ибо контроль над музыкальной деятельностью отделений ИРМО такого громадного авторитета, как С. В. Рахманинов, должен был вызвать не только доверие к отделениям Общества, но и в действительности поднял бы музыкальную сторону дела в отделениях. Преклоняясь перед выбором Её высочества себе помощника, я всё же нахожу в этом назначении и большой минус. Контроль отделений, с музыкальной стороны, должен быть регулярным, ревизия должна быть не случайной, а обязательной, и ревизовать их следует не менее одного раза в год. В настоящее время отделения ИРМО существуют в пятидесяти трёх городах России, и если бы С. В. Рахманинов ревизовал каждое из них хотя бы по одному разу в год, то ему пришлось бы бросить писать, играть и дирижировать, что вряд ли послужило бы на пользу музыкального просвещения; можно скорее отказаться от ревизии отделений ИРМО, чем от новых сочинений С. В. Рахманинова, его пианизма и дирижёрства. С этой только стороны я и считаю назначение С. В. Рахманинова минусом. С другой стороны, я не нахожу необходимым, чтобы ревизором или, как по уставу значится, уполномоченным был такой громадный авторитет, как г. Рахманинов. Если бы Главная дирекция пожелала, то могла бы найти у нас в России достаточно музыкально образованных и авторитетных лиц, которые эту миссию успешно выполнят, и тогда, бесспорно, Главная дирекция не будет ходить в потёмках: она знала бы не только о том, как ведётся в каждом отделении музыкальное дело, но и о том, заслуживает ли и в каком размере каждое отделение материальной поддержки.

Резюмируя всё изложенное в этой статье, я прихожу к заключению, что для поднятия дела в отделениях ИРМО необходимо:

Чтобы местные дирекции ведали исключительно материальной стороной концертов и музыкально-учебных заведений, находящихся в их ведении.

Чтобы выборы директоров отделений производились членами Общества по собственному желанию, а не по предложению местных дирекций; и

Чтобы был назначен постоянный уполномоченный – ревизор, в обязанность которого входил бы ежегодный контроль всех отделений ИРМО.

*Профессор М. Пресман
Ростов-на-Дону*

РУБИНШТЕЙНОВСКИЙ И САФОНОВСКИЙ ПЕРИОДЫ В МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

Я поступил в Московскую консерваторию в 1883/84 учебном году и окончил курс в мае 1891 г.⁸ За истёкшее время, в административном отношении, руководителями Консерватории были: Комитет, состоящий из нескольких профессоров под председательством инспектора Консерватории К. К. Альбрехта⁹, директор С. И. Танеев (с 1885 до 1888 г.)¹⁰ и директор В. И. Сафонов – с 1889 г.¹¹

Вступление в должность директора Консерватории В. И. Сафонова чрезвычайно ярко разграничило два периода в жизни Консерватории, которые я бы назвал рубинштейновским и сафоновским¹². Благодаря тому, что при поступлении в Консерваторию мне посчастливилось попасть не только в ученики к профессору Н. С. Звереву, но и в число его воспитанников, я невольно знал такие подробности из жизни Консерватории, которые другим учащимся не могли быть известны. Мне и моим товарищам, также воспитанникам Зверева, это было тем более доступно, что, благодаря большой популярности Зверева как среди своих коллег, учащихся, так и у публики, а также благодаря его необычайному гостеприимству и хлебосольству, его посещала почти вся коллегия профессоров.

Из моих, сначала детских, а затем и юношеских, воспоминаний у меня сложился один, вполне определённый, взгляд на Консерваторию: Консерватория времён Н. Рубинштейна, вернее, «междущарствие», и Консерватория – Сафонова.

Прежде чем перейти к деталям, я считаю уместным кратко охарактеризовать как один, так и другой периоды.

Период *рубинштейновский* – это сердечное, дружеское и, пожалуй, товарищеское отношение к учащимся; полное запанибратство с

учащими, но зато отсутствие дисциплины, граничащее с распущенностью¹³.

Период *сафоновский* – строго деловой, при котором тот учащий и учащийся хорош, который дело своё знает и хорошо к своим обязанностям относится.

Я не ошибусь, если скажу, что всем нам, учащимся, по юности лет, период рубинштейновский был больше по душе: мы чувствовали себя в Консерватории, что называется, как дома; идти в Консерваторию было праздником, а праздник превращался в отвратительные, скучные будни. Отношения с товарищами были очень близкие, что также вполне понятно: учащихся было сравнительно немного – человек 300–350, все друг друга знали и, благодаря общему товарищескому духу, царившему в Консерватории, легко сближались. К нашим руководителям-профессорам мы относились с большим уважением, даже с любовью; признавали их большими авторитетами. Я только убеждён, что успевали всё же только те учащиеся, которые сами хотели работать, вернее, которых заставляли работать любовь и уважение к их преподающим, независимо от их природных дарований.

Что касается самих преподающих, то и между ними, как мне казалось, были всегда мир и любовь: все жили, как одна семья, и в этом, несомненно, сказалась та горячая любовь к памяти основателя Консерватории Н. Рубинштейна, которая как бы спаяла сердца всех преподающих в одно целое. Если какой-либо член этой тесной семьи плохо относился к своим обязанностям и манкировал занятиями – никто ему этого в вину не ставил, а такие преподаватели, безусловно, были¹⁴.

Вплоть до 1889 года во главе Консерватории стояли лица, близкие к Рубинштейну; нет ничего удивительного, что все их усилия были направлены к тому, чтобы всё в Консерватории оставалось в таком виде, как это было при Рубинштейне. Малейшее отступление от этого порядка могло вызвать всеобщее недовольство, и администрация, зная такое настроение преподающих, никогда не рискнула бы нарушить традиций Рубинштейна; для них, впрочем, это было совершенно лишним: все с этими порядками свыклись, сжились с ними, всем было хорошо, спокойно – зачем же желать чего-либо нового!

Собственно Консерватории, управляемой Рубинштейном, я не знал (Рубинштейн умер в 1881 г.), но застал, если можно так сказать, «междударствие», длившееся почти восемь лет; за этот промежуток времени в административном управлении Консерватории не было сильной воли и руки Рубинштейна, не было и его

музыкального авторитета, а те, кто управляли Консерваторией, не обладая достаточной силой воли и авторитетом, – не были в состоянии удержать Консерваторию на должной высоте: традиции Рубинштейна вряд ли сохранились; склонен думать, что с каждым годом устои эти распатывались всё больше и дело могло дойти до полного развала.

В это время, т. е. в 1889 году, на пост директора Консерватории избирают профессора Василия Ильича Сафонова, человека молодого, талантливого, необыкновенно энергичного, с сильным характером, громадным административным дарованием и притом вполне независимого.

Тот факт, что предшественник В. И. Сафонова – С. И. Танеев – сам приложил немало труда, чтобы убедить Сафонова принять на себя управление Консерваторией, доказывает, что Танеев чувствовал себя на этом ответственном административном посту не на месте и находил необходимым вернуть бразды правления любимого им учреждения В. И. Сафонову¹⁵. Между тем, чуть ли не с первых дней директорства Сафонова в среде преподающих образовалась оппозиция, состоявшая, главным образом, из ярых и смелых приверженцев Рубинштейна; никак не могли они примириться с тем, что у кого-либо может явиться смелость ввести в Консерватории новые порядки и повести дело иным, чем это было при Рубинштейне, путём. Каждое начинание Сафонова, как бы разумно оно ни было – было обречено на осуждение со стороны оппозиции, и опять-таки всё на том же основании: Рубинштейн так не делал – следовательно, это плохо!¹⁶

Вся погрешность Сафонова заключалась, главным образом, в его не только необыкновенном трудолюбии, но и в умении работать. Для Сафонова, как профессора, не существовало определённого времени, конечно, в смысле его количества: он мог посвятить ученику десять минут и тому же ученику – два часа, если это было нужно. Каждый ученик получал обязательно два урока в неделю, а перед ученическими вечерами и в особенности перед экзаменами занятия происходили ежедневные и не меньше чем за месяц до экзаменов; мне в это время часто приходилось возвращаться после урока в три-четыре часа ночи. Такое строгое отношение Сафонова лично к себе – давало ему нравственное право предъявлять такие же требования к другим, а между тем я знаю случаи, когда Сафонову приходилось замещать на уроке преподающего, систематически опаздывающего на уроки. В назначенное для урока время Сафонов являлся на урок и начинал заниматься с классом вплоть до прихода опоздавшего преподавателя.

Два-три таких случая делали неаккуратного преподавателя – аккуратным, только исправившийся преподаватель, после таких уроков, другом Сафонову не делался; такие уроки шли, несомненно, на пользу учащимся, но безусловно портили личные отношения с преподающими. Бывали случаи, что Сафонов в самых дружеских выражениях указывал кому-либо из профессоров на делаемые им промахи; указания эти «с благодарностью» принимались к сведению, но... получивший указания профессор – делался, в глубине души, врагом Сафонова.

Что касается учащихся, то и здесь Сафонову пришлось немало потрудиться.

К посещению, например, оркестрового и хорового классов учащиеся относились крайне небрежно: или, без всякой уважительной причины, совсем не приходили, или опаздывали в эти классы. Однажды появляется такого рода объявление: «Учащиеся, не явившиеся, без уважительной причины, в оркестровый и хоровой классы, будут лишены права посещать классы специальных предметов». Объявлению этому должного значения не придали, и некоторые учащиеся, по обыкновению, в классы не явились. На следующий день фамилии этих учащихся красовались на чёрной доске, со следующей припиской: таким-то учащимся за непосещение оркестрового и хорового классов вход в Консерваторию в течение двух недель воспрещается. Наказанию этому было подвергнуто человека четыре-пять, но какое колоссальное моральное значение имел этот приём! Поднялся шум, все всполошились, тем не менее, в дальнейшем я больше подобных объявлений не встречал; следовательно, все поняли, что с ними не шутят, что оркестровый и хоровой классы посещать надо и опаздывать в эти классы нельзя. Ущерб, нанесённый наказанным четырёх-пяти ученикам лишением их права посещать Консерваторию в течение двух недель, с избытком вознаграждался тем, что, благодаря аккуратному посещению учащимися оркестрового и хорового классов, классы эти были поставлены Сафоновым на небывалую высоту. Такие же строгие меры применялись к учащимся, неаккуратно посещавшим и все обязательные теоретические классы.

Что такие строгие меры Сафонова вызывались не его жестокостью, а искренним желанием

ввести в дело только строгий, разумный порядок, может служить следующий, маленький эпизод, бывший лично со мною.

Была назначена экстренная хоровая спевка; я, не зная раньше об этой спевке, не предупредил своих частных учеников, что на уроки не приду, и, конечно, не позаботился отложить уроки на другой день; тем не менее, на спевку я пришёл вовремя, с тайной надеждой, что Сафонов разрешит мне на спевке не присутствовать. Перед началом спевки я подошёл к Сафонову, объяснил ему создавшееся положение и просил на сегодня меня от спевки освободить. Сафонов категорически отказался исполнить мою просьбу, мотивируя свой отказ тем, что среди явившихся на спевку учащихся могут оказаться и другие – в таком же положении, как я. Конечно, мне ничего не оставалось делать, как занять своё место в хоре. Все были на своих местах. Сафонов поднялся на эстраду, стал у своего пульта и, когда воцарилась гробовая тишина, сказал: «Пресман! Отпускаются тебе грехи твои! – разрешаю сегодня на спевке не присутствовать».

Мне кажется странным: почему это в наше, старое время инструменталисты оканчивали курс Консерватории в 18–22 года, а теперь, в большинстве, кончают чуть ли не в 30–35 лет?

Я объясняю это только тем, что теперь у нас в Консерваториях нет Сафоновых, нет людей, которые бы на своих плечах тянули и учащихся, и учащихся; если, как я указывал выше, Сафонов и, конечно, другие профессора занимались с учащимися по два раза в неделю, то, естественно, что работа шла интенсивнее и ученики больше успевали, чем теперь, когда сплошь да рядом в течение всего учебного года они получают 10–15 уроков. Рассмотрите, например, подробный список всех блестящих имён, украшающих Московскую консерваторию; он даст вам, лучше всяких слов, ясное представление об обоих периодах; этот список наглядно всем и каждому покажет преимущество сафоновского периода, и потому я вполне убеждён, что как администрация, так и учащие и учащиеся с искренней глубокой благодарностью вспомнят своего директора, своего товарища и профессора В. И. Сафонова, отдавшего Московской консерватории не только талант, труд и энергию, но и здоровье¹⁷.

*Профессор М. Пресман
Ростов-на-Дону, 15 августа 1916 г.*

¹ В том же 1916 году в «Русской музыкальной газете» была напечатана ещё одна статья Пресмана – «Два направления в методах преподавания игры на фортепиано» (№ 6).

² Устав ИРМО, первоначально утверждённый в 1861 г., в 1873 г., при учреждении Главной дирекции, был несколько изменён. – *Примеч. ред.* «Русской музыкальной газеты». Скорее всего, Пресман имеет в виду устав 1873 г. Историк РМО указывает, что первый устав РМО был Высочайше утверждён 1 мая 1859 г., в год открытия самого Общества. Между 1861 и 1873 гг. существовала ещё одна редакция устава, точнее, её проект, который сначала был принят «в виде опыта» на один год (1864/65) и впоследствии, не будучи утверждённым, продолжал действовать до середины 1873 г. После смерти Великой княгини Елены Павловны (в январе 1873 г.) во главе РМО стал Великий князь Константин Николаевич. По его ходатайству Музыкальному обществу было даровано наименование Императорского (6 апреля 1873 г.), окончательно доработан и утверждён устав (4 июля 1873 г.) [15, с. 7–15]. Последний, с незначительными изменениями (принятыми в 1885 и 1891 гг.), действовал до конца существования ИРМО.

³ Устав музыкальных училищ был разработан отдельно от Устава РМО и утверждён 5 октября 1882 г.

⁴ Устав консерваторий РМО был утверждён 25 ноября 1878 г. В нем конкретизировалось назначение консерваторий.

⁵ В 1912 г. Рахманинову в качестве помощника по музыкальной части председателя Главной дирекции РМО пришлось разбираться в длительном, запутанном конфликте Пресмана и местной дирекции РМО. Рахманинов занял сторону Пресмана. «Лично я считаю Пресмана честнейшим человеком, высокостепенным педагогом и любящим своё дело до самозабвения. Только при таком человеке и понятен рост училища и образцовая постановка там преподавания», – указывал Рахманинов в письме к Е. Г. Саксен-Альтенбургской от 29 сентября 1911 г. [17, с. 37]. Однако Главная дирекция РМО Рахманинова не поддержала. Как сообщала газета «Приазовский край», конфликт «окончился финалом маловероятным с точки зрения обычной человеческой логики – Пресман уволен, Рахманинов вышел из Главной дирекции» [14].

⁶ Скорее всего, речь идёт о случае, произошедшем в октябре 1914 г. Пресман мог быть свидетелем данного инцидента, так как в это время работал в Саратовской консерватории (1912–1915), возглавляемой в это время

И. Сливинским. *Сливинский Юзеф* [Иосиф Иванович (Янович)] (1865, Варшава – 1930, там же) – польский пианист и дирижёр. Учился игре на фортепиано в Варшавском музыкальном институте у Р. Штробля, затем у Т. Лешетицкого в Вене и у А. Г. Рубинштейна в Петербурге. Дебютировал как пианист в 1890 г. и с этого времени гастролировал в России, странах Западной Европы и в США. В начале 1910-х гг. преподавал фортепианную игру в различных музыкально-учебных заведениях, давал частные уроки в Риге, затем в Ростове-на-Дону, в 1912–1916 гг. был профессором Саратовской консерватории (с 1914 г. – директор) [8, ст. 82]. Суть конфликта заключалась в том, что Сливинский вознамерился исключить из консерватории учащегося, решившего перейти из класса одного педагога в другой. Против исключения решительно возразил Г. Э. Конюс. Сливинский усмотрел в высказываниях Конюса личное оскорбление и рекомендовал срочно созванному (причём не в полном составе) художественному совету дать согласие на увольнение Г. Э. Конюса. Согласие было получено, однако ряд членов местной дирекции обратились к председателю Главной дирекции принцессе Альтенбургской с письмом, в котором выразили своё несогласие с таким решением. Не видя возможности разрешить создавшуюся ситуацию «мирными средствами», Сливинский подал прошение об отставке. Неизвестно, чем бы закончился конфликт, не вмешайся в него Главная дирекция ИРМО, откомандировавшая в Саратов вице-председателя В. И. Тимирязева. На совещании дирекции Саратовского отделения и собрании преподавателей консерватории Тимирязев добился примирения сторон, пожавших друг другу руки [19, с. 174–179]. *Конюс Георгий Эдуардович* (1862, Москва – 1933, там же) – русский и советский музыкальный теоретик, композитор, педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1927). В 1881–1889 гг. учился в Московской консерватории у П. А. Пабста, но вследствие заболевания рук оставил пианистическую специальность; в 1889 г. окончил Московскую консерваторию по классу композиции А. С. Аренского (теорией занимался у С. И. Танеева). С 1891 г. преподавал там же гармонию и инструментовку; в 1899 г. был уволен из Московской консерватории из-за конфликта с директором консерватории В. И. Сафоновым. С 1902 г. – профессор Музыкально-драматического училища при Московском филармоническом обществе (в 1904–1905 гг. директор). В 1905 г. уволен из училища по политическим причинам (выступал

за автономию консерватории). В 1912–1919 гг. – профессор композиции Саратовской консерватории (в 1917–1919 гг. ректор) [20, ст. 933–935].

⁷ Сведений об этом инциденте обнаружить не удалось.

⁸ 1880-е годы в Московской консерватории характеризуются историками как «время внутренней смуты и шаткости» [2, с. 120], которые обрушились на учебное заведение после смерти Н. Г. Рубинштейна (основателя и первого директора Московской консерватории, профессора по классу фортепиано, дирижёра). Потеря директора, усилия которого, как оказалось, в наибольшей мере способствовали поддержанию финансового благополучия консерватории, повлекла за собой материальные затруднения, постоянно возраставшие и начавшие угрожать самому существованию консерватории.

⁹ *Константин (Карл) Карлович Альбрехт* (1836, Эльберфельд, Германия – 1893, Москва) – музыкальный деятель, виолончелист, хоровой дирижёр, композитор и педагог, учредитель и дирижёр (1878–1888) Русского хорового общества. Один из ближайших сотрудников и помощников Н. Г. Рубинштейна при организации Московского отделения РМО и Московской консерватории. В 1864/65 г. преподавал хоровое пение в Музыкальных классах РМО. В 1866–1889 гг. – инспектор и преподаватель (класс элементарной теории, сольфеджио, хорового пения), в 1883–1885 гг. – и. о. директора Московской консерватории [3, ст. 121–122]. Пресман не указывает годы инспекторства Альбрехта, не упоминая, впрочем, и о предыдущем директоре консерватории, избранном после смерти Н. Г. Рубинштейна, – Н. А. Губерте. О последнем автор умалчивает, вероятно, потому, что не застал время руководства Губерта (избранного директором в мае 1881 г., тогда как Пресман начал обучение в консерватории двумя годами позже). Комитет, возглавляемый Альбрехтом, был создан в 1883 г. В него входили профессора Н. Д. Кашкин, С. И. Танеев, И. В. Гржимали, Дж. Гальвани. Альбрехт, вероятно, не обладал выдающимися способностями руководителя. Один из членов комитета Кашкин свидетельствует: «Дефицит по консерватории после смерти Н. Г. Рубинштейна возрастал, и для покрытия текущих расходов приходилось делать займы у членов московской дирекции, которая стала вместе с тем оказывать некоторое давление на внутреннюю жизнь консерватории, что порождало антагонизм между дирекцией и значительной частью Художественного совета. <...> В связи с этим в самой среде директорского комитета Московской консерватории не было полного

единодушия в этом отношении, и появилось сознание необходимости избрания единоличного директора, достаточно независимого и стойкого, чтобы упорядочить ход дела. Среди сторонников независимости консерватории обозначилась кандидатура Танеева» [2, с. 121]. Как тут не вспомнить конфликт Пресмана с ростовской дирекцией (на этой же почве), по его словам, «пытавшейся вмешиваться в руководимое им дело, требовавшей непроизводительных, ненужных и вредных для дела затрат, но ничем материально училищу не помогавшей» [13, с. 171]... Очевидно, подобные конфликты были нередки, и Пресману довелось быть в них и участником, и свидетелем.

¹⁰ С. И. Танеев руководил Московской консерваторией с 1885 по 1888 гг., и этот период по общему своему направлению – в смысле серьезного отношения к занятиям учащихся и заботы об их нуждах – был как бы возвращением к временам Н. Г. Рубинштейна. Главной задачей Танеева как директора была ликвидация денежной зависимости консерватории от членов дирекции, и ему во многом удалось решить данную проблему.

¹¹ В. И. Сафонов занимал пост директора Московской консерватории с 1889 по 1905 гг. Деятельность Сафонова на посту директора консерватории, педагогическая и концертная работа в качестве пианиста-солиста, аккомпаниатора, огромная просветительская работа в Московском отделении ИРМО как руководителя и дирижёра оркестра снискали ему славу, почёт и уважение. Современники отмечали его совершенно исключительные организаторские способности. Василий Ильич проявил большую заботу о сооружении нового здания Московской консерватории, которое было закончено и полностью оборудовано в 1901 г. Административно-общественная деятельность Сафонова не была ограничена стенами консерватории. Велика была его роль в дирекции РМО [5, ст. 867–869; 16, с. 124–125].

¹² Называя рубинштейновским периодом время до 1889 г., т. е. до избрания директором Консерватории В. И. Сафонова, я хочу указать, что руководители Консерватории считали себя охранителями традиций великого основателя ее Николая Рубинштейна. – *Прим. автора.*

¹³ Через некоторое время после выхода этой статьи Пресман направил в редакцию «Русской музыкальной газеты» письмо, в котором упоминалось о критических замечаниях со стороны друзей автора, полагавших, что статья отчасти посвящена периоду консерваторской жизни, который не мог быть известен Пресману: «Упрёк, высказанный мне, несомненно,

отпадает, если будут восстановлены кавычки, заключающие в себе слово “рубинштейновский” в заголовке статьи; не сомневаюсь, что тогда всем ясно будет, что я имел в виду не буквально рубинштейновский период, а период междуцарствия, вернее лже-рубинштейновский период, последнее свидетельствуется и выноской в моей статье» [12, ст. 710].

¹⁴ Музыкально-общественная деятельность Н. Г. Рубинштейна отличалась демократичностью и просветительской направленностью. «Как директор Московской консерватории Рубинштейн придавал большое значение художественному совету и коллективности руководства» [4, ст. 740].

¹⁵ По свидетельствам современников, Танеев тяготился своим директорством в консерватории. «Огромный размах организаторской деятельности в консерватории практически не давал ему возможности для занятий творчеством – сочинением музыки, литературными научными трудами, ограничивал и исполнительство – выступления в качестве пианиста и дирижера» [9, с. 48]. С. И. Танеев несколько лет присматривался к В. И. Сафонову и пришёл к убеждению, что со спокойной совестью может передать последнему дело управления консерваторией, так как Василий Ильич сочетал в себе самые благоприятные для этого качества, как по своему таланту, так и по образованию.

¹⁶ Видимо, недовольство педагогов вызывалось стремлением Сафонова к единоличному управлению, недооценкой роли художественного совета, в то время как ранее коллегиальному началу принадлежало весьма важное место в процессе руководства консерваторией.

¹⁷ Сафонов приложил много усилий к выдвиганию талантливой молодежи, количество учащихся в годы его директорства возросло почти вдвое. Среди учеников Василия Ильича – выдающиеся пианисты и фортепианные педагоги, в том числе А. Н. Скрябин, Н. К. Метнер, Л. В. Николаев, Е. А. Бекман-Щербина, И. А. Левин, Р. Бесси-Левина, Е. Ф. Гнесина, А. Ф. Гедике, М. Н. Мейчик, Ю. Д. Исерлис, М. Л. Пресман, Д. С. Шор и многие другие. В его классе камерного ансамбля занимались также ученики других фортепианных классов, в том числе А. Б. Гольденвейзер и К. Н. Игумнов. Известно его исключительно тёплое отношение к А. В. Неждановой, В. Р. Петрову. Он привлёк к преподаванию многих талантливых молодых музыкантов – А. Н. Скрябина, М. М. Ипполитова-Иванова, А. Н. Корещенко, К. Н. Игумнова и др. По приглашению Сафонова в Московской консерватории некоторое время (в 1890–1891 гг.) работал выдающийся итальянский пианист и композитор Ф. Бузони [18, с. 132].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дедков И. Публицистика // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. Ст. 72–75.
2. Кашкин Н. Сергей Иванович Танеев и Московская консерватория // К 150-летию Московского отделения Русского музыкального общества. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 119–123.
3. Корабельникова Л. Альбрехт – семья музыкантов // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 1. Ст. 121–122.
4. Корабельникова Л. Николай Рубинштейн // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1978. Т. 4. Ст. 739–741.
5. Корабельникова Л. Василий Сафонов // Музыкальная энциклопедия / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1978. Т. 4. Ст. 867–869.
6. Крысин Л. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 584 с.
7. Лебедева О. Публицистика // Литература и язык: Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн, 2007. С. 385.
8. Лисса З. Юзеф Сливинский // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1981. Т. 5. Ст. 82.
9. Московская консерватория: 1866–1991: Альбом. М.: Музыка, 1991. 240 с.
10. Полонский А. Публицистика как особый вид творческой деятельности // Научные ведомости. 2008. № 11. С. 56–61.
11. Пресман М. Воспоминания о Скрябине // А. Н. Скрябин: сб. к 25-летию со дня смерти. М.–Л.: Музгиз, 1940. С. 32–40.
12. Пресман М. Письмо в редакцию // Русская музыкальная газета. 1916. № 40. Ст. 710.
13. Пресман М. Уголок музыкальной Москвы восьмидесятых годов (Памяти профессора Московской консерватории Н. С. Зверева) // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. Изд. 4-е, доп. М.: Музыка, 1974. Т. 1. С. 148–207.
14. Приазовский край. 1912. № 121.

15. Пузыревский А. Императорское Русское музыкальное общество в первые 50 лет его деятельности (1859–1909). СПб.: Тип. В. Мильштейна, 1909. 48 с.
16. Равичер Я. В. И. Сафонов // К 150-летию Московского отделения Русского музыкального общества. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 124–128.
17. Рахманинов С. Литературное наследие: в 3 т. М.: Сов. композитор, 1980. Т. 2. 584 с.
18. Слуцкая Л. Педагоги – пианисты Московской консерватории и ИРМО // К 150-летию Московского отделения Русского музыкального общества. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 129–138.
19. Ханецкий В. Деятельность Саратовского отделения ИРМО (к 140-летию основания) // Русское музыкальное общество (1859–1917): История отделений. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 151–187.
20. Холопов Ю. Георгий Конюс // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 2. Ст. 933–935.

REFERENCES

1. Dedkov I. Publitsistika [Publicism]. Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 9 t. [Brief Literary Encyclopaedia: in 9 vol.]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Press, 1971. Vol. 6. Col. 72–75.
2. Kashkin N. Sergei Ivanovich Taneev i Moskovskaya konservatoriya [Sergei Taneev and Moscow Conservatoire]. K 150-letiyu Moskovskogo otdeleniya Russkogo muzykal'nogo obshchestva [Towards the 150th Anniversary of Moscow Regional Department of Russian Musical Society]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Press, 2010. P. 119–124.
3. Korabel'nikova L. Al'brekht – sem'ya muzykantov [Albrecht, the Family of Musicians]. Muzykal'naya entsiklopediya: v 6 t. [Musical Encyclopaedia: in 6 vol.]. Editor-in-chief Yu. Keldysh. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Press, 1971. Vol. 1. Col. 121–122.
4. Korabel'nikova L. Nikolay Rubinshtein [Nickolai Rubinstein]. Muzykal'naya entsiklopediya: v 6 t. [Musical Encyclopaedia: in 6 vol.]. Editor-in-chief Yu. Keldysh. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Press, 1978. Col. 739–741.
5. Korabel'nikova L. Vasilii Safonov [Vassily Safonov]. Muzykal'naya entsiklopediya: v 6 t. [Musical Encyclopaedia: in 6 vol.]. Editor-in-chief Yu. Keldysh. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press, 1978. Vol. 4. Col. 867–869.
6. Krysin L. Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov [Explanatory Dictionary of Loan-words]. Moscow: Eksmo Press, 2008. 584 p.
7. Lebedeva O. Publitsistika [Publicism]. Literatura i yazyk: Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya [Literature and Language: Contemporary Illustrated Encyclopaedia]. Moscow: Rosmen Press, 2007. P. 385.
8. Lissa Z. Yuzef Slivinskiy [Joseph Sliwinski]. Muzykal'naya entsiklopediya: v 6 t. [Musical Encyclopaedia: in 6 vol.]. Editor-in-chief Yu. Keldysh. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Press, 1981. Vol. 5. Col. 82.
9. Moskovskaya konservatoriya: 1866–1991: Al'bom [Moscow Conservatoire: 1866–1991: Album]. Moscow: Muzyka Press, 1991. 240 p.
10. Polonskiy A. Publitsistika kak osobyi vid tvorcheskoy deyatel'nosti [Publicism as a Special Kind of Creative Activities]. Nauchnye vedomosti [Scholar Gazette]. 2008. No. 11. P. 56–61.
11. Presman M. Vospominaniya o Skriabine [Memoires About Skriabin]. A. N. Skriabin. Sbornik k 25-letiyu so dnya smerti [Alexander Skriabin. Collection Towards the 25th Anniversary After His Death]. Moscow–Leningrad: Muzgiz Press, 1940. P. 32–40.
12. Presman M. Pis'mo v redaktsiyu [The Letter to the Editorial Staff]. Russkaya muzykal'naya gazeta [Russian Musical Newspaper]. 1916. No. 40. Col. 710.
13. Presman M. Ugolok muzykal'noy Moskvy vos'midesyatykh godov (Pamyati professora Moskovskoy konservatorii N. S. Zvereva) [The Cosy Nook of Musical Moscow (In Memory of Nickolai Zverev, Professor of Moscow Conservatoire)]. Vospominaniya o Rakhmaninove: v 2 t. Izd. 4-e, dop. [Memoires About Rachmaninov: in 2 vol. The 4th supplemented edition]. Moscow: Muzyka Press, 1974. Vol. 1. P. 148–207.
14. Priazovskiy kray [Priazovski Land]. 1912. No. 121.
15. Puzyrevskiy A. Imperatorskoe Russkoe muzykal'noe obshchestvo v pervye 50 let ego deyatel'nosti (1859–1909) [Imperial Russian Musical Society for a Period of the Initial Fifty Years of Its Activities (1859–1909)]. St. Petersburg: V. Mil'stein's Printed-house, 1909. 48 p.
16. Ravicher Ya. V. I. Safonov [Vassily Safonov]. K 150-letiyu Moskovskogo otdeleniya Russkogo muzykal'nogo obshchestva [Towards the 150th Anniversary of Moscow Regional Department of Russian Musical Society]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Press, 2010. P. 124–129.

Публикации

---

17. *Rakhmaninov S.* Literaturnoe nasledie: v 3 t. [Literary Heritage: in 3 vol.]. Moscow: Sovetskiy kompozitor Press, 1980. Vol. 2. 584 p.
18. *Slutskaya L.* Pedagogi – pianisty Moskovskoy konservatorii i IRMO. K 150-letiyu Moskovskogo otdeleniya Russkogo muzykal'nogo obschestva [Towards the 150th Anniversary of Moscow Regional Department of Russian Musical Society]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury Press, 2010. P. 129–141.
19. *Khanetskiy V.* Deyatel'nost' Saratovskogo otdeleniya IRMO (k 140-letiyu osnovaniya) [Activities of Saratov Regional Department of IRMO (Towards the 140th Anniversary of Its Foundation)]. Russkoe Muzykal'noe Obschestvo (1859–1917): Istoriya otdeleniy. [Russian Musical Society (1859–1917): The History of Regional Departments]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Press, 2012. P. 151–187.
20. *Kholopov Yu.* Georgiy Konyus [Georgy Konus]. Muzykal'naya entsiklopediya: v 6 t. [Musical Encyclopaedia: in 6 vol.]. Editor-in-chief Yu. Keldysh]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Press, 1974. Vol. 2. Col. 933–935.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (М. ПРЕСМАНА)

Публикация, вступительная статья и комментарии А. Коккезовой

В данной публикации представлены тексты двух статей видного отечественного музыканта – пианиста, педагога, музыкально-общественного деятеля Матвея Пресмана. Названные статьи, написанные в 1916 году для «Русской музыкальной газеты», впоследствии не переиздавались.

Публикация снабжена вступительной заметкой о Пресмане-публицисте.

Ключевые слова: М. Пресман, «Русская музыкальная газета», Императорское Русское музыкальное общество, Московская консерватория, Н. Г. Рубинштейн, В. И. Сафонов.

FROM LITERARY HERITAGE (BY M. PRESMAN)

The publication, introductory article and comments by A. Kokkezova

This publication represents the texts of two works by the prominent Russian musician – the pianist, educational specialist, musical and public figure Matvey Presman. The named works written for the «Russian Musical Gazette» in 1916 were not reissued subsequently. The publication is sup-

plied with introductory essay about Presman as publicist.

Keywords: M. Presman, «Russian Musical Gazette», Imperial Russian Musical Society, Moscow conservatoire, N. Rubinstein, V. Safonov.

Коккезова Айшат Мамедьяевна

аккомпаниатор-концертмейстер, ведущий мастер сцены

e-mail: 87aishat@mail.ru

Ростовский государственный музыкальный театр

Российская Федерация, 344010, Ростов-на-Дону

